Как бывший взрослый, я могла терпеть многие вещи, которые в детстве, вероятно, не могла. Одиночество было одной из тех вещей, которые меня нисколько не беспокоили; я могла справиться с одиночеством без проблем. Дерьмовые бури, такие как взрывы и медицинские чрезвычайные ситуации, без проблем! Я самый спокойный человек в комнате. Я могу взять на себя ответственность и сделать все, что должно быть сделано. Я могу быть дурой, но при необходимости справляться с плохой ситуацией и холодной головой.

С чем я не могу справиться, так это с неловким молчанием и общественными мероприятиями, не угрожающими жизни. Серьезно, я бы предпочел оказаться в заложниках с пистолетом, приставленным к моей голове в упор, в любой день, чем высидеть вежливый разговор. Черт, да я скорее столкнусь с Цукуёми Итачи, чем буду иметь дело с его долгим бесконечным молчанием. Клянусь, если бы существовал рекорд Гиннеса по выдерживанию неловкого молчания в компании других людей, думаю, этот парень выиграл бы его.

"С тобой, наверное, очень приятно разговаривать". - пробормотала я после того, как мы провели в молчании целых пять минут. Пять минут были для меня рекордом. Если я не одна или не смотрю с кем-то фильм, меня практически невозможно заставить долго молчать. Тишина сводит меня с ума.

Итачи ничего не сказал, бросив на меня мимолетный взгляд.

"Ты всегда такой тихий?" - спросила я. "Или ты просто делаешь то, что дети видят, но не слышат? Потому что это ужасная практика, и ты должен вступить в фазу бунтарства прямо сейчас и разыграть всех до смерти. Я помогу, это будет смешно".

Тишина. Если прислушаться, то можно было услышать снисходительных сверчков на заднем плане. Я слышу вас, ублюдки! Хватит издеваться над моим существованием! Я покончу с вами и всеми вашими потомками! Я убью вас всех! Убью огнем! Да... эта тишина меня достала. Я совсем схожу с ума.

Я раскачивалась на ногах взад-вперед на краю веранды, выходящей в сад. В этом мире просто не было того, что могло бы сблизить детей. Ни мультиков, ни видеоигр, ни интернета, как же я по нему скучаю... Если не говорить о погоде, то единственное, что я могла сейчас сделать, это засыпать парня тонной вопросов и надеяться, что он ответит на один из них.

"Я видел, как ты упражнялся с сюрикенами, как здесь становятся ниндзя? Нужно ли ходить в какую-то школу или что-то в этом роде? Или тебя учат родители? Кушина-сан сказала, что твоя мама была ниндзя, а твой папа тоже ниндзя? Что из себя представляет Коноха? Я никогда здесь не была". Я говорила без остановки.

От одной темы к другой, ко всему, что, черт возьми, всплывало в моей голове. Черт, я даже говорила о погоде и о белке, которая проходила мимо, до такой степени, что даже мне стало тошно слушать, как я говорю. Прошло десять минут безостановочной болтовни, а мальчик все еще ничего не сказал.

Боже правый, могу ли я добиться от него хоть одного слова? Хоть что-нибудь! Даже типичное: "Ты меня раздражаешь" или "Заткнись, пожалуйста". У меня пересохло в горле, и я больше всего на свете хотела бы промолчать до конца дня. Когда я в последний раз так много говорила?

Не могу вспомнить.

В последние четыре года изучение и понимание языка было приоритетнее всего остального. Я

знала, что если я хочу выжить здесь, я должна уметь говорить, читать и, самое главное, слушать. Мне никогда не приходила в голову мысль, что я смогу нормально разговаривать с кем-либо. Да и как я могла? Я женщина в теле ребенка. О чем я могу говорить?

О, привет Сомоку и Тесури, я не совсем ваша дочь. На самом деле я взрослая женщина из другого мира, которая каким-то образом переродилась в вашего единственного ребенка. И не только это. Я обладаю глубокими знаниями о вашем мире, которые могут опрокинуть весь мир шиноби и положить конец всей жизни, как вы ее знаете. Да, это было бы очень кстати во время перекуса, рядом с моими попытками уговорить их выпустить меня из дома на выпивку и вечеринки.

Я вздохнула в разочаровании, отказавшись от разговора с Итачи, и плюхнулась спиной на пол веранды, свесив ноги с края. Если он не собирается отвечать, то и я не собираюсь беспокоиться. С веранды я могла видеть голубое небо, усеянное белыми облаками. Если подумать, за все время пребывания в Аме, я ни разу не лежала на улице и не смотрела на небо. Да и не могла. Всегда шел дождь.

Кстати, о дожде... Мои мысли устремились к Сомоку и Тесури... Каа-сан и Тоу-сан... Пара, которая любила и растила меня как своего, не зная, что я чужой. Не зная, что я вполне могла заменить их настоящую дочь, настоящую Касу. Они защищали меня, делали все возможное, чтобы уберечь меня, дать мне шанс на жизнь. Они были замечательными родителями... И все же, все это время я жадно брала все это, не отдавая им ни разу.

Чувство вины грызло меня. Сомоку был мертв. Я не могла отплатить ей, даже если бы захотела. И, как бы я ни шутила над всем и всеми, я не могла смириться с мыслью, что она все еще жива. Я не могла, не могла, когда услышала окончательность ее прощания и увидела отчаяние в ее глазах, когда она подарила Тесури последний поцелуй.

Когда я узнала, что это были за печати, которые она выжгла на моих руках, я не могла даже солгать себе и притвориться, что она все еще жива, где-то там. Тот, кто был уверен в своем выживании, не стал бы передавать свои знания таким образом. Мои руки навсегда остались в шрамах от этих печатей. Сомоку никогда бы не прибегла к такому методу, если бы ее не поджимало время.

Она была терпелива; она умела учить и заставлять меня понимать все, чему она учила. Для нее использование такой печати на мне было актом окончательным. Без сомнения, она знала, что это оставит на мне шрам и клеймо для всех, кто знаком с запечатыванием, но это знание было ценным, более ценным, чем любой секрет или техника. Она отчаянно хотела - нет, нуждалась в том, чтобы я продолжил это знание. Я была ее наследием.

Вам знакома фраза: "Ваша память продолжает жить через ваших детей"? Судя по тому, что мне удалось собрать воедино после активации печати, знания, переданные мне, были не просто собранием истории Ушиогакуре, запечатывающих искусств или опасных техник клана Узумаки. Скорее, в нем была заключена сама суть людей клана. Сомоку хотела, чтобы я носил не умения ее семьи, а память о них. Эти печати были эквивалентом семейного альбома.

Я глубоко вздохнула, почувствовав неприятный комок в горле, но это не имело значения, когда за моими глазами появилось горячее давление. Я издала дрожащий вздох, прижав тыльные стороны рук к глазам, отчаянно стараясь не издать ни звука и не свернуться в клубок. Почему мое тело решило разобраться с этим именно сейчас? Почему оно не могло сделать это, когда я была одна?

Я знаю, что обычно требуется некоторое время, чтобы травма закрепилась в моем сознании. У меня есть плохая привычка подавлять и игнорировать то, что беспокоит меня в течение длительных периодов времени. Последнее воспоминание о том, как я делала что-то подобное, было после смерти моей собаки. Прошел месяц, прежде чем однажды я просто проснулась и заплакала. Возможно, это не самый здоровый способ справиться с чередой проблем, но это то, что есть.

Подумайте о чем-то другом. Просто думай о чем-то другом.

Что с Тесури? С ним все в порядке? Удалось ли ему сбежать? Нет, не думай о Тесури. Мысли о нем только заставят меня снова напрячься. Перестань думать. Просто перестань думать!

"Ты странная", - пробормотал Итачи, его голос вырвал меня из моих мыслей. "Ты бесконечно бредишь о вещах, которые тебя волнуют, но когда ты затихаешь в своих мыслях, ты выглядишь так, будто готова заплакать".

"Я не плачу." - ответила я по-детски. Я не смела опустить руки, я была уверена, что мои глаза уже покраснели.

"О чем ты думала?" - спросил Итачи.

"Почему я должна тебе говорить?" - заворчала я. "Ты проигнорировал все остальное, о чем я говорил".

"Ты не была заинтересована в разговоре со мной", - ответил мальчик.

Ладно, он меня понял. Я была нечестна, говорила только ради разговора. Я же не пыталась подружиться с мальчиком и не спрашивала о его мыслях и интересах. Можете ли вы винить меня? Мы с вами оба прекрасно знаем, кто он такой и что он собирается делать.

Конечно, он сделал это ради блага Конохи, но он также создал того самого человека, который предал Коноху и помог создать Четвертую Войну Шиноби. Мне все равно, что этот маленький мудак потом передумает, это не изменит того факта, что он мудак, который привел к боли и разрушению своей собственной деревни. Никакая история не оправдает его поступков.

"Тогда почему ты со мной разговариваешь?" - спросила я. Слегка опустив руки, я наблюдала за его реакцией. Его внимание оставалось на саду перед нами, ничем не выдавая своего лица. У этого парня был чертовски хороший покер-фейс.

"Тебе не нравится тишина", - ответил Итачи, не отводя взгляда.

"А?" Я не смогла удержаться от удивленного возгласа. "О чем ты говоришь?"

"Тебе не нравится тишина", - повторил мальчик. "Вот почему ты все время говорил. Чтобы отгородиться от того, о чем ты не хочешь думать".

Я отказалась от всякой попытки подглядывать и открыто уставилась на него. Меня только что оттеснил ребенок, гениальный ребенок, но все же ребенок. Неужели я настолько очевидна?

"Есть способы получше, если ты не можешь вынести молчания", - заметил Итачи.

"Например?" - спросила я, сдвигая руки ко лбу, чтобы лучше его рассмотреть.

"Тренировки", - ответил мальчик Учиха.

Я закатила глаза. Как типично, Учиха были адреналиновыми наркоманами. Клянусь, если бы они не были стоическими засранцами, они бы отлично вписались в компанию фанатиков экстремальных видов спорта. Представляешь, Итачи или Саске кричат: "Чувак! Экстрим, чувак! Я крут, братан!". Такого никогда не случится. Ад замерзнет первым.

И все же... Я поборола приступ хихиканья при этой мысли. Я прижала кулак к губам, чтобы заставить себя замолчать. Мое тело дрожало, когда я свернулась калачиком на боку, отчаянно пытаясь остановить смех, грозящий сорваться с моих губ. О Боже, кажется, я сейчас умру.

http://tl.rulate.ru/book/71373/2105844